

георг вильгельм фридрих

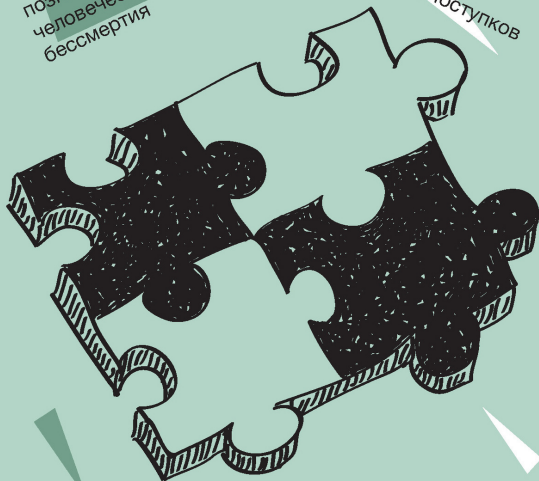
ГЕГЕЛЬ

наука логики

с комментариями и объяснениями
Александра Маркова

познание – корень
человеческого
бессмертия

человек есть
ряд его поступков

истина не может
быть абстрактной

противоречие
ведет вперед

Георг Вильгельм Фридрих Гегель
Наука логики. С
комментариями
и объяснениями
Серия «Философия на пальцах»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487568

*Георг Вильгельм Фридрих Гегель Наука логики С комментариями и
объяснениями:*

ISBN 978-5-17-118672-2

Аннотация

Георг Вильгельм Фридрих Гегель – основоположник немецкой классической философии, вошедший в историю как выдающийся реформатор науки о мышлении, разработавший и развивший его диалектические формы. Основная задача логики, по Гегелю, – познание истины. И он исследовал пути, ведущие к истине, и эволюцию этих путей в работе «Наука логики», созданной на основе собственных лекций. Сама же логика не может быть законченной наукой – она всегда оставляет свои двери открытыми для новых выводов и понятий. Поэтому учение Гегеля всегда современно и вызывает неизменный интерес.

В хрестоматию также вошли фрагменты двух других крупных произведений философа – «Феноменологии духа», где раскрывается главный герой его философии, Дух, и принцип всеобщей связи явлений, и «Философии права» – методического пособия для слушателей его лекций.

Тексты снабжены подробными комментариями и объяснениями Александра Маркова.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Александр Марков	6
Наука логики	14
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Георг Вильгельм
Фридрих Гегель
Наука логики**
*С комментариями
и объяснениями*

Серия «Философия на пальцах»

Дизайн серии Ивана Ковригина

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

В оформлении переплета использовано фото из архива
Shutterstock

Составление, предисловие, преамбулы к текстам, коммента-
рии Александра Маркова, профессора РГГУ и ВлГУ

Перевод Б. Г. Столпнера, под. ред. Э. Л. Радлова

© А. Марков, составление, предисловие, преамбулы к тек-
стам, комментарии, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Александр Марков

Модный философ

Георг Вильгельм Фридрих Гегель родился 27 августа 1770 года в Штутгарте, в семье крупного чиновника – до сих пор родительский дом на оживленном перекрестке бывшей столицы Вюртембергского герцогства поражает своей кряжистой основательностью. Герцогство формально входило в состав Священной Римской Империи, но на деле оно гордилось своей независимостью от венских властей. Протестантским предкам Гегеля было бы нечего делать в чопорной католической Австрии, а горная Швабия, славная вольнодумной мистикой и крестьянским здравым смыслом, стала для них настоящей родиной.

В детстве Гегель, по воспоминаниям современников, столь же скоро перемалывал книги своим умом, как мельница – зерно. Хорошая учеба дополнялась занятиями в городской библиотеке, общением с учителями и посещением книжных лавок. Подросток часто не делал разницы между чтением книг по физике, сборников изречений античных мудрецов и любовных романов: он считал, что из любого сюжета можно извлечь полезные выводы. Единственное, что он выделял из потока книг как непререкаемый образец – античную трагедию, переживая ее сюжеты как конспект все-

мирной истории: не Орест или Антигона, но страны и правительства подвергаются невыносимым испытаниям, из которых должны выйти с честью.

В октябре 1788 года Гегелю выдали аттестат об окончании гимназии, и он сразу поступил в Тюбингенскую богословскую семинарию. Здесь он получал от герцога стипендию за отличную учебу.

Тюбинген был центром протестантского богословия, для которого Библия перестала быть рассказом о чудесах и невероятных событиях. Преподаватели семинарии считали, что всё чудесное в Библии требовалось лишь для привлечения неграмотной непросвещенной публики, тогда как основной смысл христианства – моральное преобразование человека, его способность стать примером для многих.

На годы учебы Гегеля прихлалась Французская революция, и он воспринял ее как первую, но еще очень несовершенную весть о будущей свободе человечества. Вместе со своими соучениками, Шеллингом, сыном пастора и будущим соперником за звание первого философа Германии, и поэтом Гёльдерлином он посадил во дворе семинарии дерево свободы.

Гегель продолжал много читать и часто не замечал, как наступал рассвет. Впрочем, развлекаться он тоже умел, обыгрывая товарищей в карты и выпивая столько вина, что никто не понимал, почему он не свалился со скамьи, а продолжает свои многочасовые рассуждения.

Получив степень магистра в двадцать лет, Гегель отказал-

ся от пасторской карьеры, вероятно, не желая менять круга общения: он слишком привык к веселым товарищам и покровительству местных государей, чтобы заниматься делами прихода.

Первые годы он работал домашним учителем, что ему очень нравилось: в свободные часы каждый день ходил в библиотеку, писал книги и статьи. При этом в отличие от многих современников, завершавших образование «большим путешествием» для изучения светских обычаев разных стран, Гегель к путешествиям оказался равнодушен. Многодневный поход с друзьями по Альпам, горы, виды французских и итальянских городков – все это раздражало его, казалось однообразным. Зачем, спрашивал он, знакомиться с обычаями, которые не меняются веками, когда гораздо интереснее найти общее основание нравственности.

После смерти отца в 1799 году философ, которому уже наскучило преподавание, получил наследство, позволившее ему отказаться от любой поденщины и начать подготовку к университетской карьере. 21 августа 1801 года он впервые поднимается на кафедру как приват-доцент Йенского университета. Йена была центром раннего немецкого романтизма, здесь издавна процветали и естественные науки. Хотя злые языки говорили, что на лекции Гегеля приходит один студент, на самом деле он вполне справлялся с задачами лектора, привлекая все больше слушателей: легко переходил от одного примера к другому, доказывал свои тезисы как тео-

ремы, умел шутить, требовать длительной серьезной работы. Через четыре года он стал уже не только экстраординарным профессором, но и властителем дум значительной части университетской молодежи.

В октябре 1806 года Гегель завершил свой главный труд, «Феноменологию духа»: печатал он эту работу в типографии уже под выстрелы наполеоновских войск, бравших Йену. В этой книге появляется главный герой его философии, Дух, некоторый принцип всеобщей связи явлений, смысл чего только отчасти передают такие наши слова, как «процесс», «прогресс», «эволюция» или «культура». Этот Дух раскрывает себя в природе, в истории, и становление личности – лишь один из эпизодов его самораскрытия. Дух можно сравнить с биржей, на которой происходят все сделки: если считать таковыми и жизнь атома, и красоту, и понимание: Дух устанавливает курсы обмена этих реальностей, размещает акции бытия на рынках мирового сознания и дает прибыль любому нашему знанию и интуиции, совершенствуя природу и историю.

Во время наполеоновской оккупации Гегель редактировал местную газету, а потом стал ректором классической гимназии в совершенно протестантском Нюрнберге, кем и оставался до 1816 года, когда получил место профессора философии в Гейдельберге. На посту ректора он читал курсы, которые впоследствии составили содержание двух других его знаменитых книг: «Наука логики» и «Энциклопедия

философских наук». Если в первой книге мышление было представлено как главное содержание жизни, то во второй – как развитие явлений, связывающее природу и дух, конечное и бесконечное.

Гегель занимался не только высокими материями. Он был не всегда умерен как в выпивке, так и в отношениях с женщинами. Конец его любовным увлечениям положила женитьба в 1811 году на Марии фон Тухер – породниться с баварской католической аристократией означало для Гегеля завоевать доверие уже всей мыслящей Германии. Воспитывая двух законных сыновей, он нашел и забрал из приюта своего внебрачного сына.

Гегель мог подавать на конкурс на место профессора философии в любой университет Германского союза. Отклонив несколько предложений, он выбрал Берлин, куда и переехал в 1818 году. Открытый в 1810 году, Берлинский университет был флагманом немецкого образования, как университет публичной передовой науки, в противовес более узкому профессионализму наполеоновских оккупантов; и лучшие университеты России и США, даже если они были основаны гораздо раньше, во многом копируют берлинскую модель «исследовательского университета». Если прежде на кафедрах профессора читали лекции по учебникам, а книги предназначали коллегам, то в Берлинском университете полагалось заниматься наукой и сразу «органично» знакомить студентов со своими достижениями. Поэтому лекции и стали ос-

новой формой работы философа: зачем писать книги, когда вместе со студентами ты разобрал самые новые вопросы. Сейчас Гегель, наверное, делал бы интерактивный образовательный сайт; впрочем, уступая вкусам современников, он выпустил в 1821 году трактат «Философия права» как методическое пособие по одноименному курсу, но в остальном он импровизировал и экспериментировал. Даже такая знаменитая книга, как «Эстетика», на самом деле представляет собой подробный конспект его курса, живую речь лектора, который объясняет, как мысль ищет свою форму и свою драматургию, и в результате у нас получается и множество видов искусства, и множество стилей жизни. Гегеля просили издать методическое пособие по данному курсу, но он так и не собрался это сделать.

Главным его методом стала диалектика: так в античности называли искусство рассуждать в присутствии собеседников и спорить. Но если в античности это было лишь одно из словесных искусств, то для нашего философа диалектика сделалась методом познания самых общих закономерностей природы и общества. Как получается, что мир резко меняется и при этом остается в целом тем же? Почему в природе господствуют законы, но вместе с тем сама жизнь природы или человека непредсказуема? Как наши схемы и обобщения, с помощью которых мы познаем мир, соотносятся с его действительной жизнью, которая вовсе не схематична? Диалектика должна была дать ответы на эти здравые и насущные

вопросы.

В ней появляются свои сюжеты, например, «снятие» или, вернее сказать, «отсрочка» – преодоление противоречия тем, что создается новая точка зрения на это противоречие, новый способ отношения к нему. Появляются также свои персонажи, скажем, Господин и Раб: если Господин жертвует собой ради общего блага, то Раб – ради Господина, но именно поэтому Раб может стать центральной фигурой в истории, от него зависит сохранение в ней чести. Есть в диалектике и свои драматические мотивы, и речевые штампы – одним словом, это наука о том, что жизнь – не театр, а театральное училище, природе и обществу еще надо научиться, благодаря философии, правильно и последовательно играть свои роли.

В 1820-е годы Гегель становится не только общенемецкой, но и общеевропейской знаменитостью. Конечно, он не собирает площади, как Шеллинг в склонном к театральности Мюнхене, но если кто-то приходит на его лекцию, то потом рассказывает об этом сотням людей в личном общении или в газете. Гегельянство стало одной из общеевропейских мод: можно было только удивляться, почему сложные и непонятные рассуждения этого мыслителя вдруг стали звучать по всей Европе в светских гостиных, министерских кабинетах, а то и на революционных площадях. Сам Гегель чем дальше, тем больше опасался прямого приложения своей философии к делу, напоминая, что осмотрительность должна обуз-

дывать энтузиазм, а созерцание – воспитывать проницательность. Но гегельянство стало учением о том, как можно радикально изменить обстоятельства своей жизни, а то и саму историю. Известное изречение философа «Все действительное – разумно» означает вовсе не то, что неразумные события не могут происходить, но что только разумное основание действия в окружающем мире может объяснить это действие. Тогда разум может заново разыграть драму истории и сделать ее лучше.

В 1830 году Гегель становится ректором Берлинского университета и ревностно принимается за совершенствование исследований на всех кафедрах. Философия для него была главным вдохновением для экспериментальной науки: ведь она объясняла, почему эксперимент не просто дает результат, но и имеет смысл, учит правильно стратегически мыслить, а не только правильно наблюдать. К сожалению, счастье амбициозного ректорства длилось недолго: в августе 1831 года в Берлине началась холера, и Гегелю посоветовали переждать эпидемию в карантине. Но ему трудно было жить вдали от этого города; и когда 1 октября начался новый семестр, философ велел взять его прямо в университет. Гегель думал, что пик эпидемии прошел и встречи с родными слушателями будут еще долго его радовать. Но 14 ноября 1831 года он умер, оставив идеи и тексты, волнующие нас сразу, как только мы приступаем к их чтению.

Александр Марков

Наука логики

«Науку логики» Гегель написал в бытность ректором Нюрнбергской гимназии, с целью доказать, что наше мышление – не просто обобщение наблюдений, а столь же необходимая часть мироздания, как природа и история. Мы мыслим потому, что сам наш ум не может не раскрыться как чистая способность мышления, научив нас быть ближе к общему смыслу мира. Единственное, на что сетовал Гегель – что люди часто смешивают мысль то с природными впечатлениями, то с подсказками своего языка. Поэтому нужно создать науку, которая докажет, что опыт встречи с природой и переживание смысла слов не образуют наше мышление, но, напротив, следуют из его строения.

Гегель упрекал прежнюю, формальную логику в том, что она не живет теми идеями, которые обсуждает. Например, она вскрывает противоречие между двумя утверждениями. Но может ли она пережить противоречие как драму, трагедию или просто как недоразумение, сюжет для небольшого рассказа? Новая, диалектическая логика, утверждает философ, научит жить идеями, жить как в лучшем романе, и, в конце концов, приведет весь мир к счастью.

Главная задача «Науки логики» – научить мыслить не только отношения между вещами, но и содержание вещей и состояний. Скажем, старая логика утверждала бытие в про-

тивоположность небытию, выводя свойства бытия из этого противопоставления. Но, говорит Гегель, конфликт «бытия» и «небытия» принадлежит частным наблюдениям: абсолютное бытие, как и абсолютное знание, умеет само учредить собственное небытие и само его отменить. Оно реализует свои возможности прежде того, чем поймет, в каких отношениях и с чем состоит. Поэтому, перед разговором о тождествах и различиях, надо разобраться, как устроена реальность, предшествующая привычным нам коллизиям.

Можно читать «Науку логики» как большой роман, в котором Становление (взаимная жизнь Бытия и Небытия) становится Наличным Бытием (Dasein), примерно так же, как подросток – взрослым, а пылкий влюбленный – умудренным годами семьянином. Но этот труд можно прочесть и как великую книгу об интуиции, благодаря которой мы можем отвлечься от расхожих суждений и научиться мыслить самую суть самых сложных обстоятельств.

А. БЫТИЕ

Бытие, чистое бытие — без всякого дальнейшего определения. В своей неопределенной непосредственности оно равно лишь самому себе, а также не неравно в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему.

Иное – понятие, противопоставленное понятию «одно». Не следует путать «иное» и «другое»: за другим может следовать третье, четвертое, одно может сочетаться с другим или не сочетаться. Тогда как иное абсолютно, и своей абсолютностью подтверждает единичность «одного». Гегель говорит, что бытие не может иметь «иного» в строгом смысле слова, потому что это иное тоже «будет», а значит, будет бытием, а не небытием.

Если бы в бытии было какое-либо различимое определение или содержание или же оно благодаря этому было бы положено как отличное от некоего иного, то оно не сохранило бы свою чистоту.

Бытие есть чистая неопределенность и пустота. – В нем *ничего* созерцать, если здесь может идти речь о созерцании, иначе говоря, оно есть только само это чистое, пустое созерцание. В нем также нет ничего такого, что можно было бы мыслить, иначе говоря, оно равным образом лишь это пустое мышление. Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле *ничто* и не более и не менее, как ничто.

Пустота у Гегеля никогда не означает просто отсутствия вещей. Скорее, это ближе нашему выражению «свободное место», что можно понять и как освобожденное, и как предоставленное для

дальнейшего заполнения. Квартира свободна, когда из нее съехали прежние жильцы, и когда она ждет новых жильцов. Так и бытие: оно абсолютно, поэтому стоит выше любых качеств, но оно открыто тому, чтобы в нем реализовались самые разные вещи, чтобы всё что угодно «было». Ничто – это, как скажет Гегель ниже, «совершенная пустота», поскольку мы не только не можем его увидеть, но и не можем ничего о нем утверждать.

В. НИЧТО

Ничто, чистое ничто; оно простое равенство с самим собой, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания; неразличенность в самом себе. – Насколько здесь можно говорить о созерцании или мышлении, следует сказать, что считается небезразличным, созерцаем ли мы, или мыслим ли мы нечто или *ничто*. Следовательно, выражение «созерцать или мыслить ничто» что-то означает.

Неразличенность – отсутствие не только внутренних различий (например, как мы различаем в книге разные страницы), но и способности вещи отличаться от самой себя (скажем, при ее росте, изменении или перемене предназначения).

Созерцанием Гегель называет вовсе не отвлеченное рассмотрение, а способность увидеть предмет как целое, что больше бы отвечало русскому

«рассмотрение, осмотр». Мышление, в отличие от созерцания, прямо переходит к предмету, не осматривая его. Различие между «созерцанием» и «мышлением» примерно такое же, как между «знакомством» и «сотрудничеством».

Мы проводим различие между нечто и ничто; таким образом, ничто *есть* (существует) в нашем созерцании или мышлении; или, вернее, оно само пустое созерцание и мышление; и оно есть то же пустое созерцание или мышление, что и чистое бытие. – Ничто есть, стало быть, то же определение или, вернее, то же отсутствие определений и, значит, вообще то же, что и чистое *бытие*.

С. СТАНОВЛЕНИЕ

1. Единство бытия и ничто

Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же. Истина – это не бытие и не ничто, она состоит в том, что бытие не переходит, а перешло в ничто и ничто не переходит, а перешло в бытие. Но точно так же истина не есть их неразличенность, она состоит в том, что *они не одно и то же*, что они *абсолютно различны*, но также нераздельны и неразделимы и что каждое из них непосредственно *исчезает в своей противоположности*. Их истина есть, следовательно, это *движение* непосредственного исчезновения одного в другом: *становление*; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь

же непосредственно растворилось.

Истина, по Гегелю – не просто правдивое утверждение, а совокупность всех данных, которые не могут быть поставлены под сомнение. Поэтому истинным может быть не только высказывание, но и действие, состояние, даже эмоциональное отношение. Важно, что это не частное действие или состояние, но особое переживание мира как целого, именно из которого и следует любое производство истины.

Исчезновение, растворение – образ, где есть идея «освобождения», утрачиваемая в русском переводе. Перестать быть чем-либо для своей противоположности и стать, наконец, вполне свободным от нее.

2. Моменты становления: возникновение и прохождение

Становление есть нераздельность бытия и ничто – не единство, абстрагирующееся от бытия и ничто; как единство *бытия* и *ничто* оно есть это *определенное* единство, или, иначе говоря, такое единство, в котором *есть* и бытие, и ничто. Но так как каждое из них, и бытие, и ничто, нераздельно от своего иного, то *их нет*.

Они, следовательно, *суть* в этом единстве, но как исчезающие, лишь как *снятые*.

Снятие – ключевой термин диалектики

Гегеля, в нем есть уже упомянутая идея отпущения на свободу, присутствует и идея откладывания, сохранения качеств: как снятые с ветки плоды хранятся в виде сухофруктов или варенья. Тем самым, снятие подразумевает как обретение свободы, так и ее длительность и осознание пользы всего того, что привело к этой свободе.

Теря свою *самостоятельность*, которая, как первоначально представлялось, была им присуща, они низводятся до *моментов, еще различимых*, но в то же время снятых.

Моментом Гегель называет не просто краткий миг, но определенное побуждение к изменению, исходя из термина физики «момент вращения». Поэтому «моменты развития» – не просто фиксируемые точки развития, но некие внутренние побуждения к развитию, которые видны в нем самом. По отношению к человеку мы сейчас называем это «импульсами», «мотивациями» или даже «вдохновением».

Взятые со стороны этой своей различимости, каждый из них есть *в этой различимости* единство с *иным*. Становление содержит, следовательно, бытие и ничто как *два таких единства*, каждое из которых само есть единство бытия и ничто. Одно из них есть бытие как непосредственное бытие и как соотношение с ничто; другое есть ничто как непосред-

ственное ничто и как соотношение с бытием. Определения обладают в этих единствах неодинаковой ценностью.

Ценность (Wert) у Гегеля – не просто значимость, но покупательная способность. Суждения о бытии и небытии, хотя обладают логической формой, не одинаково «ценны» не в силу того, что первое нам дороже, но потому что мы можем «купить» на суждения о бытии больше предметов и понятий, чем на суждения о небытии.

Становление дано, таким образом, в двойком определении; в одном определении ничто есть непосредственное, т. е. определение начинается с ничто, соотносящегося с бытием, т. е. переходящего в него; в другом бытие дано как непосредственное, т. е. определение начинается с бытия, переходящего в ничто, – *возникновение и прехождение*.

Прехождение – необратимый переход, в отличие от изменения, последнее может быть обратимым. Здесь нужно расслышать и русское «переход» и русское «преходящий» в смысле стареющий, который уже никогда не станет прежним.

Оба суть одно и то же, становление, и даже как эти направления, различенные таким образом, они друг в друга проникают и парализуют. Одно есть *прехождение*; бытие переходит

в ничто; но ничто есть точно так же и своя противоположность, переход в бытие, возникновение. Это возникновение есть другое направление; ничто переходит в бытие, но бытие точно так же и снимает само себя и есть скорее переход в ничто, есть прехождение. – Они не снимают друг друга, одно внешне не снимает другое, каждое из них снимает себя в себе самом (an sich selbst) и есть в самом себе (an ihm selbst) своя противоположность.

3. Снятие становления

Равновесие, в которое приводят себя возникновение и прехождение, – это прежде всего само становление. Но становление точно так же сходится (geht zusammen) в *спокойное единство*.

Спокойный – Гегель имеет в виду прежде всего физический смысл «покоящийся, находящийся в равновесии», как мы говорим в физике «тело покоится». Ясно, что этот покой – результат устройства мира, а не только частной сложившейся ситуации. Ниже Гегель говорит о «спокойной простоте», тем самым подчеркивая, что такой покой может и созерцаться, и мыслиться (анализироваться).

Бытие и ничто находятся в становлении лишь как исчезающие; становление же как таковое имеется лишь благодаря их разности. Их исчезание есть поэтому исчезание станов-

ления, иначе говоря, исчезание самого исчезания. Становление есть неустойчивое беспокойство, которое оседает, переходя в некоторый спокойный результат.

Это можно было бы выразить и так: становление есть исчезание бытия в ничто и ничто – в бытие, и исчезание бытия и ничто вообще; но в то же время оно основывается на различии последних. Оно, следовательно, противоречит себе внутри самого себя, так как соединяет в себе нечто противоположное *себе*; но такое соединение разрушает себя.

Этот результат есть исчезновение (*Verschwindensein*), но не как *ничто*; в последнем случае он был бы лишь возвратом к одному из уже снятых определений, а не результатом ничто *и бытия*. Этот результат есть ставшее спокойной простотой единство бытия и ничто. Но спокойная простота есть *бытие*, однако бытие уже более не для себя, а бытие как определение целого.

Становление как переход в такое единство бытия и ничто, которое дано как *сущее* или, иначе говоря, имеет вид одностороннего *непосредственного* единства этих моментов, есть *наличное бытие*.

Наличное бытие (*Dasein*) – важный термин всей немецкой философии, в XX веке Мартин Хайдеггер положил его в основу своей философии. Буквально оно означает «бытие, которое здесь», бытие, доступное нашему взгляду, бытие, с

которым мы сталкиваемся. Но русские выражения подразумевают конфликт и столкновение, тогда как в «наличном бытии» можно раствориться, при этом продолжая созерцать его как факт собственного бытия, как что-то очень важное, самое дорогое. Лучший образ «наличного бытия» – прекрасный город; мы восхищаемся им и одновременно бродим по нему. Этот термин оказался продуктивным для философии, поскольку позволяет описывать всю совокупность окружающей реальности, не прибегая к противопоставлению «субъекта» и «объекта».

а) Наличное бытие вообще

Из становления возникает наличное бытие. Наличное бытие есть простое единство (Einssein) бытия и ничто. Из-за этой простоты оно имеет форму чего-то *непосредственного*. Его опосредствование, становление, находится позади него; это опосредствование сняло себя, и наличное бытие предстает поэтому как некое первое, из которого исходят. Оно прежде всего в одностороннем определении *бытия*; другое содержащееся в нем определение, *ничто*, равным образом проявится в нем как противостоящее первому.

Оно не просто бытие, а *наличное бытие*; взятое этимологически, Dasein означает бытие в каком-то *месте*; но представление о пространстве здесь не приложимо. Наличное бытие есть вообще по своему становлению *бытие* с некоторым *небытием*, так что это небытие принято в простое единство с бытием. *Небытие*, принятое в бытие таким образом,

что конкретное целое имеет форму бытия, непосредственности, составляет *определенность* как таковую.

Форма – это слово у Гегеля никогда не означает просто «оформление», вроде нашего «кувшин в форме груши», но всегда означает оживление, придание жизненности, полноценности, как мы говорим «я сегодня в хорошей форме» или как Фома Аквинский называл душу «формой» тела. Поэтому выражение «конкретное целое имеет форму бытия» следует понять не в том смысле, что оно известно нам под видом бытия, а в том, что оно всякий раз сбывается и лишь в этой способности обретает собственную жизнь.

Целое также имеет форму, т. е. *определенность* бытия, так как и бытие обнаружило себя в становлении только как снятый, отрицательно определенный момент; но таково оно *для нас в нашей рефлексии*; оно еще не *положено* в самом себе. Определенность же наличного бытия как таковая есть положенная определенность, на что указывает и термин «*наличное бытие*». – Следует всегда строго различать между тем, что есть для нас, и тем, что положено; лишь то, что *положено* в каком-то понятии, входит в рассмотрение, развивающее это понятие, входит в его содержание.

Рефлексия (латинское: отражение) –

по Гегелю, это не просто «обращение к себе» или «размышление о самом себе», «переживание за самого себя», как мы обычно говорим в повседневной речи («он сидит и рефлексировает»), но способность заново продумать понятие, которое уже продумано. Например, я споткнулся и решил «Такова судьба». Это суждение. Я посмотрел, обо что споткнулся – это созерцание. Я оценил, почему я споткнулся – это мышление. Наконец, я стал думать, как не споткнуться в следующий раз – это рефлексия. Внешняя рефлексия – учет всех внешних обстоятельств (к примеру, неровной поверхности пола или особенностей моей обуви), внутренняя рефлексия – учет и внутренних обстоятельств (настроения).

Определенность же, еще не положенная в нем самом, – все равно, касается ли она природы самого понятия или она есть внешнее сравнение, – принадлежит нашей рефлексии; обращая внимание на определенность этого рода, можно лишь уяснить или предварительно наметить путь, который обнаруживается в самом развитии [понятия]. Что целое, единство бытия и ничто, имеет *одностороннюю определенность бытия*, – это внешняя рефлексия.

В отрицании же, в нечто и *ином* и т. д., это единство дойдет до того, что окажется *положенным*. – Следовало здесь обратить внимание на это различие; но давать себе отчет обо всем, что рефлексия может позволить себе заметить, – излишне; это привело бы к слишком пространному изложению, к предвосхищению того, что должно вытекать из само-

го предмета (Sache). Хотя такого рода рефлексии и могут облегчить обзор целого и тем самым и понимание, одна ко они невыгодны тем, что выглядят неоправданными утверждениями, основаниями и основами последующего. Не надо поэтому придавать им большее значение, чем то, которое они должны иметь, и надлежит отличать их от того, что составляет момент в развитии самого предмета.

Sache – это немецкое слово означает «вещь, дело, обстоятельство, предмет речи» (в силу этого иногда допустим перевод как «предмет»), в отличие от *Ding* – материальная вещь как экземпляр, «штука», «штучка». Поэтому известный лозунг Гуссерля о возвращении к «самим вещам» нужно понимать не как призыв созерцать отдельные вещи, но в соответствии со значением слова *Sache* – понимать сами обстоятельства возникновения нашего знания.

Наличное бытие соответствует *бытию* предшествующей сферы; однако бытие есть неопределенное, поэтому в нем не получается никаких определений. Наличное же бытие есть определенное бытие, *конкретное*; поэтому в нем сразу же выявляется несколько определений, различные отношения его моментов.

Сфера – сфера рассмотрения: если

в предшествующей части главным предметом было бытие, то здесь – наличное бытие.

Конкретное – Гегель называет этим словом не «повышенно определенное» и тем более не «определенное в своей частности» (как мы говорим «конкретные примеры»), но способное порождать из себя собственные моменты бытия или осмысления. В этом смысле, например, растение абстрактно, так как представляет собой автономно работающий организм со своими законами, а цветок конкретен, так как в нем мы видим и реализацию растения, и будущий плод, и способ существования растения. Иначе говоря, конкретность вещи – способность выделить из себя такие разные аспекты, по которым она будет узнаваема. Истина конкретна потому, что мы ее узнаем в разных ситуациях и не спутаем с ложью.

б) Качество

Ввиду непосредственности, в которой бытие и ничто едины в наличном бытии, они не выходят за пределы друг друга; насколько наличное бытие есть сущее, настолько же оно есть небытие, определено. Бытие не есть *всеобщее*, определенность не есть *особенное*. Определенность еще *не отделилась от бытия*; правда, она уже не будет отделяться от него, ибо лежащее отныне в основе истинное есть единство небытия с бытием; на этом единстве как на основе зиждутся все дальнейшие определения. Но соотношение здесь определенности с бытием есть непосредственное единство обоих, так

что еще не положено никакого различия их.

Всеобщее – Гегель употребляет это слово лишь потому, что в немецком языке «общее» часто имеет смысл «расхожее, пошлое». Поэтому всеобщее не обязательно означает объединившее все вещи или присутствующее во всех местах, но означает обладающее неотъемлемым свойством обобщения, присоединения к одним данным новых данных. Всеобщие законы – это не те, которые действуют везде одинаково, а те, которые позволяют интерпретировать прежде не существовавшие или не обнаруженные данные.

Определенность как изолированная сама по себе, как *сущая* определенность, есть *качество* — нечто совершенно простое, непосредственное. *Определенность* вообще есть более общее, которое точно так же может быть и количественным, и далее определенным. Ввиду этой простоты нечего более сказать о качестве как таковом.

Но наличное бытие, в котором содержатся и ничто, и бытие, само служит масштабом для односторонности качества как лишь *непосредственной* или *сущей* определенности. Качество должно быть положено и в определении ничто, благодаря чему непосредственная или *сущая* определенность полагается как некая различенная, рефлексированная определенность и, таким образом, ничто как то, что определен-

но в некоторой определенности, есть также нечто рефлексированное, некое *отрицание*. Качество, взятое таким образом, чтобы оно, будучи различным, считалось *сущим*, есть *реальность*; оно же, обремененное некоторым отрицанием, есть *отрицание* вообще, а также некоторое качество, считающееся, однако, недостатком и определяющееся в дальнейшем как граница, предел.

Реальность – у Гегеля это понятие никогда не обозначает мир вещей и событий, для чего есть слово «действительность», означающее, впрочем, не сам мир, а его способность действовать по некоторым принципам. Реальностью Гегель всегда называет свойство вещи быть вещью, реализовываться. Например – реальность каждого из нас – в неповторимой идеальности. Различие «реальности» и «действительности» примерно соответствует различию «ипостаси» и «гипарксиса» в классической античной философии после Аристотеля, и слово «ипостась», в том числе в бытовых употреблениях, вроде «он хорош и в ипостаси работника, и в ипостаси семьянина», хорошо поясняет гегелевское «реальность».

Оба суть наличное бытие; но в *реальности* как качестве, в котором акцентируется то, что оно *сущее*, скрыто то обстоятельство, что оно содержит определенность, следовательно, и отрицание; реальность считается поэтому лишь чем-то положительным, из которого исключены отрицание, ограни-

ченность, недостаток. Отрицание только как недостаток было бы то же, что и ничто; но оно наличное бытие, качество, только определяемое посредством небытия.

с) Нечто

В наличном бытии мы различили его определенность как качество; в качестве как налично существе *есть* различие – различие реальности и отрицания. Насколько эти различия имеются в наличном бытии, настолько же они ничтожны и сняты. Сама реальность содержит отрицание, есть наличное, а не неопределенное, абстрактное бытие. И точно так же отрицание есть наличное бытие; оно не абстрактное, как считают, ничто, оно здесь положено так, как оно есть в себе, как сущее, принадлежащее к наличному бытию. Таким образом, качество вообще не отделено от наличного бытия, которое есть лишь определенное, качественное бытие.

Качественное означает у Гегеля «обладающее чем-то как непосредственным качеством», а не «высокого качества» или «наделенное каким-то важным качеством». Поэтому «качественное бытие» – это «бытие, относящееся к самому себе как к качеству», «бытие, реализующее себя в своей непосредственности». Скажем, природа является качественным бытием, так как ее развитие не отделено от ее существования. Природа потому и реализует свое бытие, потому и существует, что предстает перед нами именно в качестве природы, постоянного развития

мира.

Это снятие различия есть больше, чем только отказ от него и еще одно внешнее отбрасывание его или простой возврат к простому началу, к наличному бытию как таковому. Различие не может быть отброшено, ибо оно *есть*. Фактическое, стало быть, то, что имеется, есть наличное бытие вообще, различие в нем и снятие этого различия; не наличное бытие, лишенное различий, как вначале, а наличное бытие как *снова* равное самому себе *благодаря снятию различия*, как простота наличного бытия, *опосредствованная* этим снятием. Эта снятость различия есть отличительная определенность наличного бытия. Таким образом, оно есть *внутри-себя-бытие*; наличное бытие есть *налично существующее, нечто*.

Нечто есть *первое отрицание отрицания* как простое существующее соотношение с собой.

Отрицание отрицания – понятие диалектики, конкретизирующее понятие «снятие»: если о «снятии» мы говорим, когда смотрим на результаты, которые мыслим, то «отрицание отрицания» характеризует процесс. Например, получение оценки на экзамене – это «снятие» учебного процесса: когда ты сдал экзамен, то учиться уже не надо. А сама сдача экзамена – отрицание отрицания: ты отрицаешь как прежнее свое невежество, так и саму позицию, с которой ты отрицал его, ибо

сейчас тебя интересует содержание твоих знаний, а не противостояние их невежеству. Знание – это тогда «незнание незнания»: и в том смысле, что мы больше не имеем дела с прежним незнанием, и в том, что мы, зная какую-то вещь, не знаем, как это можно – ее не знать. Поэтому Гегель и говорит, что «нечто» – это простое соотношение с собой: как для нас знать то, что давно выучили и узнали, это само собой разумеется, так и для вещи – что она есть – это само собой разумеющийся факт, в котором она и является как вещь, «соотносится сама с собой».

Наличное бытие, жизнь, мышление и т. д. в своей сущности определяют себя как *налично сущее, живое, мыслящее* («Я») и т. д. Это определение в высшей степени важно, если хотят идти дальше наличного бытия, жизни, мышления и т. д., а также божественности (вместо бога) как всеобщностей.

Представление справедливо считает *нечто реальным*. Однако *нечто* есть еще очень поверхностное определение, подобно тому как *реальность* и *отрицание*, наличное бытие и его определенность, хотя они уже не пустые бытие и ничто, однако суть совершенно абстрактные определения. Поэтому они и самые ходячие выражения, и философски необразованная рефлексия чаще всего пользуется ими, втискивает в них свои различия и мнит, будто имеет в них что-то вполне добротное и строго определенное. – Отрицание отрицания как *нечто* есть лишь начало субъекта, – внутри-се-

бя-бытие, еще совершенно неопределенное. В дальнейшем оно определяет себя прежде всего как сущее для себя, продолжая определять себя до тех пор, пока оно не получит лишь в понятии конкретную напряженность субъекта. В основе всех этих определений лежит отрицательное единство с собой. Но при этом следует различать между отрицанием как *первым*, как отрицанием *вообще*, и вторым, отрицанием отрицания, которое есть конкретная, *абсолютная* отрицательность, так же как первое отрицание есть, напротив, лишь *абстрактная* отрицательность.

Сущее для себя – немецкое «для себя», противопоставляется «в себе» («самому по себе»). Быть сущим в себе – значит самостоятельно реализовываться. А быть сущим для себя – значит мыслить свою реализацию как продолжение существования. Так, когда мы выполняем какое-то задание, то существуем в себе (сами по себе), даже если эта работа нас совершенствует. А если мы при этом выучиваем новые понятия, то существуем для себя, иначе говоря, понимаем, как эти новые понятия помогут решать задачи.

Напряженность – здесь ассоциация не с напряжением или нервным напряжением, но с некой точностью определения, вроде точного попадания из лука с натянутой тетивой или напряженности сумки, в которую удалось правильно уложить все вещи, и

при этом она не порвется. Получить конкретную напряженность субъекта – значит стать способным вместить в себя все смыслы, присущие субъекту.

Нечто есть *сущее* как отрицание отрицания; ибо последнее – это восстановление простого соотношения с собой; но тем самым нечто есть также и *опосредствование себя с самим собой*. Уже в простоте [всякого] нечто, а затем еще определеннее в для-себя-бытии, субъекте и т. д. имеется опосредствование себя с самим собой; оно имеется уже и в становлении, но в нем оно лишь совершенно абстрактное опосредствование. В нечто опосредствование с собой *положено*, поскольку нечто определено как простое *тождественное*. – Можно обратить внимание на то, что вообще имеется опосредствование, в противовес принципу утверждаемой чистой непосредственности знания, из которой опосредствование будто бы исключено; но в дальнейшем нет нужды обращать особое внимание на момент опосредствования, ибо он находится везде и всюду, в каждом понятии.

Это опосредствование с собой, которое нечто есть *в себе*, взятое лишь как отрицание отрицания, своими сторонами не имеет каких-либо конкретных определений; так оно сводится в простое единство, которое есть *бытие*. Нечто *есть*, и оно ведь *есть* также налично сущее; далее, оно есть *в себе* также и *становление*, которое, однако, уже не имеет своими моментами только бытие и ничто. Один из них – бытие – есть теперь наличное бытие, и, далее, налично сущее; второй

есть также нечто *налично сущее*, но определенное как отрицательность, присущая нечто (Negatives des Etwas), – *иное*. Нечто как становление есть переход, моменты которого сами суть нечто и который поэтому есть *изменение*, – становление, ставшее уже *конкретным*. – Но нечто изменяется сначала лишь в своем понятии; оно, таким образом, еще не *положено* как опосредствующее и опосредствованное; вначале оно положено как просто сохраняющее себя в своем соотношении с собой, а его отрицательность – как некоторое такое же качественное, как только *иное* вообще.

Сторона – необходимое свойство вещи для того, чтобы ее определить, не потому, что мы постигаем только какие-то стороны вещи, или заходим к ней с какой-то стороны, но потому что, определяя, мы оказываемся «на стороне» вещи, как бы делаемся ее сторонниками, и, принимая определение, принимаем и способность этой вещи быть определенной. «Опосредствование с собой», то есть способность определения отдавать отчет в своей условности – вполне конкретно, но не имеет «сторон», а реализуется как чистое бытие, как вещь, из которой вычли все условности разных отношений к ней, и которая в силу этого безусловна.

а) Нечто и иное

1. *Во-первых*, нечто и иное суть *налично сущие*, или

нечто.

Во-вторых, каждое из них есть также *иное*. Безразлично, которое из них мы называем сначала и лишь по тому именуем *нечто* (по-латыни, когда они встречаются в одном предложении, оба называются *aliud*, или «один другого» – *alius alium*, а когда речь идет об отношении взаимности, аналогичным выражением служит *alter alterum*). Если мы одно наличное бытие называем *A*, а другое *B*, то *B* определено ближайшим образом как *иное*. Но точно так же *A* есть *иное* этого *B*. Оба одинаково суть *иные*. Для фиксирования различия и того нечто, которое следует брать как утвердительное, служит [слово] «это». Но «это» как раз и выражает, что такое различие и выделение одного нечто есть субъективное обозначение, имеющее место вне самого нечто. В этом внешнем показывании и заключается вся определенность; даже выражение «это» не содержит никакого различия; всякое и каждое нечто есть столь же «*это*», сколь и *иное*. *Считается*, что словом «это» выражают нечто совершенно определенное; но при этом упускают из виду, что язык как произведение рассудка выражает лишь всеобщее; исключение составляет только *имя* единичного предмета, но индивидуальное имя есть нечто бессмысленное в том смысле, что оно не выражает всеобщего, и по этой же причине оно представляется чем-то лишь положенным, произвольным, как и на самом деле собственные имена могут быть произвольно приняты, даны или также изменены.

Субъективное – у Гегеля означает обычно не «личное» или «пристрастное», а претендующее от лица субъекта вмешаться в идущие вне субъекта процессы, тем самым искажающее действительное понимание хода событий.

Итак, инобытие представляется определением, чуждым определенному таким образом наличному бытию, или, иначе говоря, иное выступает *вне* данного наличного бытия; отчасти так, что наличное бытие определяет себя как иное только через *сравнение*, производимое некоторым третьим, отчасти так, что это наличное бытие определяет себя как другое только из-за иного, находящегося вне его, но само по себе оно не таково.

Пример такого определения: *мир* как вселенная понимается и как *мир*, как отсутствие войны из-за войны как иного, хотя мир как таковой не есть только отсутствие войн, даже в узком смысле мирной жизни, не говоря о широком смысле устройства вселенной.

В то же время, как мы уже отметили, каждое наличное бытие определяет себя и для представления в равной мере как другое наличное бытие, так что не остается ни одного наличного бытия, которое было бы определено лишь как на-

личное бытие и не было бы вне некоторого наличного бытия, следовательно, само не было бы некоторым иным. Оба определены и как *нечто* и как *иное*, они, значит, *одно и то же*, и между ними еще нет никакого различия. Но эта *тождественность* определений также имеет место только во внешней рефлексии, в *сравнении* их друг с другом; но в том виде, в каком вначале положено *иное*, оно само по себе, правда, соотносится с *нечто*, однако оно также и *само по себе находится вне последнего*.

В-третьих, следует поэтому брать *иное* как изолированное, в соотношении с самим собой, брать *абстрактно* как иное, как τὸ ἕτερον Платона, который противопоставляет его *единому* как один из моментов целокупности и таким образом приписывает *иному* свойственную ему *природу*. Таким образом, *иное*, понимаемое лишь как таковое, есть не иное некоторого *нечто*, а иное в самом себе, т. е. иное самого себя. — *Физическая природа* есть по своему определению такое иное; она есть *иное духа*. Это ее определение есть, таким образом, вначале одна лишь относительность, которая выражает не какое-то качество самой природы, а лишь внешнее ей соотношение. Но так как дух есть истинное *нечто*, а природа поэтому есть в самой себе лишь то, что она есть по отношению к духу, то, поскольку она берется сама по себе, ее качество состоит именно в том, что она в самой себе есть иное, *вовне-себя-сущее* (в определениях пространства, времени, материи).

Физическая природа – означает не предмет специальной науки физики, но природу, которая себя реализует именно как природа, как совокупность закономерностей, каковые уже иные в сравнении с неподвластными закономерностям бытием. В силу этого природа никогда не может быть «одним»: ее закономерности всегда говорят о том, что она – «иное».

Иное само по себе есть иное по отношению к самому себе (an ihm selbst) и, следовательно, иное самого себя, таким образом, иное иного, – следовательно, всецело не равное внутри себя, отрицающее себя, *изменяющееся*. Но точно так же оно остается тождественным с собой, ибо то, во что оно изменилось, есть *иное*, которое помимо этого не имеет никаких других определений. А то, что изменяется, определено быть иным не каким-нибудь другим образом, а тем же самым; оно поэтому *соединяется* в том ином *лишь с самим собой*. Таким образом, оно положено как рефлексированное в себя со снятием инобытия; оно есть *тождественное* с собой нечто, по отношению к которому, следовательно, инобытие, составляющее в то же время его момент, есть нечто отличное от него, не принадлежащее ему самому как такому нечто.

Данный оборот означает: *изменяясь*,

вещь удерживает себя как субъект этих изменений, и тем самым даже они – формы обращения к себе как субъекту, показавшему свою неизменность при изменчивости и тем самым снявшему небытие, которое неизбежно, раз изменение отрицает, отправляет в небытие предшествующее состояние. Просто Гегель на этом этапе рассуждений еще не дошел до «субъекта» и до «форм» во множественном числе, поэтому фраза сказана так сложно.

2. Нечто *сохраняется* в отсутствии своего наличного бытия (Nichtdasein), оно по своему существу *едино* с ним и по своему существу *не едино* с ним. Оно, следовательно, *соотносится* со своим инобытием; оно не есть только свое инобытие. Инобытие в одно и то же время и содержится в нем, и еще *отделено* от него. Оно *бытие-для-иного*.

Наличное бытие как таковое есть непосредственное, безотносительное; иначе говоря, оно имеется в определении *бытия*. Но наличное бытие как включающее в себя небытие есть *определенное* бытие, подвергшееся внутри себя отрицанию, а затем ближайшим образом – иное; но так как оно в то же время и сохраняется, подвергнув себя отрицанию, то оно есть лишь *бытие-для-иного*.

Оно сохраняется в отсутствии своего наличного бытия и есть бытие; но не бытие вообще, а как соотношение с собой *в противоположность* своему соотношению с иным, как равенство с собой в противоположность своему не равенству. Такое бытие есть *в-себе-бытие*.

Не равенство — так как Гегель говорит не о состоянии неравенства, а о действии, позволяющем отнестись к себе как к другому, раздельное написание предпочтительно. Например, можно сказать, что человек равен своему самосознанию, но не равен своей совести, или равен своей нравственности, но не своему моральному принципу. Сами различия понятий «сознания» и «совести», «морали» и «нравственности», не поддерживаемые этимологиями слов, отчасти обязаны гегелевской диалектике.

Бытие-для-иного и в-себе-бытие составляют *оба момента* [всякого] нечто. Здесь имеются *две пары* определений: 1) *нечто* и *иное*; 2) *бытие-для-иного* и *в-себе-бытие*. В первых имеется безотносительность их определенности: нечто и иное расходятся.

Но их истина — это соотношение между ними; бытие-для-иного и в-себе-бытие суть поэтому указанные определения, положенные как *моменты* одного и того же, как определения, которые суть соотношения и остаются в своем единстве, в единстве наличного бытия. Каждое из них, следовательно, в то же время содержит в себе и свой отличный от себя момент.

Бытие и ничто в том их единстве, которое есть наличное бытие, уже более не бытие и ничто: таковы они только вне своего единства. Таким образом, в их беспокойном

единстве, в становлении, они суть возникновение и прехождение. – Бытие во [всяком] нечто есть *в-себе-бытие*. Бытие, соотношение с собой, равенство с собой, теперь уже не непосредственное, оно соотношение с собой лишь как небытие инобытия (как рефлексированное в себя наличное бытие). – И точно так же небытие как момент [всякого] нечто в этом единстве бытия и инобытия есть не отсутствие наличного бытия вообще, а иное, и, говоря определеннее, по *различию* его и бытия оно есть в то же время *соотношение* с отсутствием своего наличного бытия, бытие-для-иного.

Беспокойный – не нужно и объяснять, что это слово означает не «взволнованный», а «не имеющий точки покоя, поскольку в этом единстве каждая его составляющая полновесна. Можно сравнить такое беспокойное единство со списком школьных или университетских предметов, каждый из которых с точки зрения учителей «самый важный» – и лишь тогда школьное знание испытывает «возникновение и прехождение».

Тем самым *в-себе-бытие* есть, во-первых, отрицательное соотношение с отсутствием наличного бытия, оно имеет инобытие вовне себя и противоположно ему; поскольку нечто есть в *себе*, оно лишено инобытия и бытия для иного. Но, во-вторых, оно имеет небытие и в самом себе, ибо оно само есть *не-бытие* бы-тия-для-иного.

Это рассуждение может быть проиллюстрировано фразой «денег нет», означающей вовсе не то, что все они провалились в какое-то небытие, а что наличные деньги сейчас не могут быть выданы.

Но *бытие-для-иного* есть, во-первых, отрицание простого соотношения бытия с собой, соотношения, которым ближайшим образом должно быть наличное бытие и нечто; поскольку нечто есть в ином или для иного, оно лишено собственного бытия. Но, во-вторых, оно не отсутствие наличного бытия как чистое ничто. Оно отсутствие наличного бытия, указывающее на в-себе-бытие как на свое рефлексированное в себя бытие, как и наоборот, в-себе-бытие указывает на бытие-для-иного.

3. Оба момента суть определения одного и того же, а именно определения [всякого] нечто. Нечто есть *в себе*, поскольку оно ушло из бытия-для-иного, возвратилось в себя. Но нечто имеет также определение или обстоятельство *в себе* (an sich) (здесь ударение падает на «в») или *в самом себе* (an ihm), поскольку это обстоятельство есть *в нем* (an ihm) внешним образом, есть бытие-для-иного.

Внешним образом – означает не «поверхностно», а «действуя исключительно как

факт, а не как переживание». Просто слова «факт» и «переживание» Гегель еще не вводил, поскольку после терминологической работы Канта они весьма двусмысленны и нуждаются в дополнительных оговорках.

Это ведет к некоторому дальнейшему определению. *В-себе-бытие* и бытие-для-иного прежде всего различны, но то, что нечто имеет *то же самое*, что *оно есть в себе* (an sich), также и *в самом себе* (an ihm), и, наоборот, то, что оно есть как бытие-для-иного, оно есть и в себе – в этом состоит тождество в-себе-бытия и бытия-для-иного, согласно определению, что само нечто есть тождество обоих моментов и что они, следовательно, в нем нераздельны. – Формально это тождество получается уже в сфере наличного бытия, но более определенное выражение оно получит при рассмотрении сущности и затем при рассмотрении отношения *внутреннего* (Innerlichkeit) и *внешнего* (Ausserlichkeit), а определеннее всего – при рассмотрении идеи как единства понятия и действительности. – Полагают, что словами «*в себе*» и «*внутреннее*» высказывают нечто возвышенное; однако то, что нечто есть *только в себе*, есть также *только в нем*; «в себе» есть лишь абстрактное и, следовательно, внешнее определение. Выражения «*в нем ничего нет*», «*в этом что-то есть*» имеют, хотя и смутно, тот смысл, что то, что в чем-то есть, принадлежит также и к его *в-себе-бытию*, к его внутренней, истинной ценности.

Возвышенное – в эстетике Канта – напрямую связанное с нашими глубинными переживаниями и обращающее их к непосредственному действию в мире; этим возвышенное отличается от прекрасного, которое призывает к созерцанию. К примеру, пейзаж прекрасен, если успокаивает, и возвышен, если вдохновляет помочь соседям. Гегель иронизирует над поверхностным романтическим пониманием Канта, где глубокая внутренняя жизнь считалась свидетельством восприимчивости к возвышенному, а, значит, говорила об амбициозности замыслов и масштабности будущей славы.

Можно отметить, что здесь уясняется смысл *вещи-в-себе*, которая есть очень простая абстракция, но в продолжение некоторого времени слыла очень важным определением, как бы чем-то изысканным, так же как положение о том, что мы не знаем, каковы вещи в себе, признавалось большой мудростью. – Вещи называются вещами-в-себе, поскольку мы абстрагируемся от всякого бытия-для-иного, т. е. вообще – поскольку мы их мыслим без всякого определения, как ничто. В этом смысле нельзя, разумеется, знать, *что такое вещь-в-себе*. Ибо вопрос: *что такое?* – требует, чтобы были указаны *определения*; но так как те вещи, определения которых следовало бы указать, должны быть в то же время *вещами-в-себе*, т. е. как раз без всякого определения, то в вопрос необ-

думанно включена невозможность ответить на него или же дают только нелепый ответ на него. – Вещь-в-себе есть то же самое, что то абсолютное, о котором знают только то, что все в нем едино. Мы поэтому знаем очень хорошо, что представляют собой эти вещи-в-себе; они как таковые не что иное, как лишенные истинности, пустые абстракции. Но что такое поистине вещь-в-себе, что поистине есть в себе, – изложением этого служит логика, причем, однако, под «в-себе» понимается нечто лучшее, чем абстракция, а именно то, что нечто есть в своем понятии; но понятие конкретно внутри себя постижимо как понятие вообще и внутри себя познаваемо как определенное и как связь своих определений.

Вещь в себе (более точным переводом было бы «вещь сама по себе», наподобие «кошка, которая гуляла сама по себе») – один из ключевых терминов философии Канта, обозначающий то, что мы не знаем не только устройства мира, но и устройства отдельных вещей, так как не можем найти оснований, на которых квалифицируем вещи именно как вещи, хотя при этом отличаем их от наших внутренних или внешних реакций. Для Канта утверждение вещи в себе было основано на том, что человек, различая между своей внутренней и внешней жизнью, никогда не отождествит знание вещей ни с той, ни с другой жизнью, зато поймет, что такое знание. Но именно этот термин подвергался критике немецким идеализмом,

в том числе Гегелем, прежде всего за то, что Кант не рассмотрел вопрос о том, как полагание вещи предшествует ее пониманию. Гегель показывает, что полагание вещи как таковое – это полагание ее как таковой, то есть как чистой абстракции. Тогда вещь-в-себе – такая же абстракция по отношению к ее свойствам, как наше познание – по отношению к его обстоятельствам. Когда мы читаем книгу, то не обращаем внимания на шум за окном, но и писатель, когда сочинял книгу, давал обобщенные характеры своих героев, в отвлечении от всех возможностей и нюансов их поведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.